

УДК 811.161.1:821.161.1

М. А. Дмитриовская

**ВЕГЕТАТИВНЫЙ КОД
В РАССКАЗЕ НИКОЛАЯ КОНОНОВА «АМНЕЗИЯ АНАСТАСИИ».
1. ЗРИ В КОРЕНЬ!**

107

На материале рассказа Н. Кононова «Амнезия Анастасии» исследуется мифопоэтический код, лежащий в основе произведений писателя. Рассматривается семантика человеческой жизни как вегетации в ее связи с оппозициями «жизнь-смерть», «старый-молодой», «верх-низ». Исследовательский подход состоит в реконструкции авторского метода смысло- и текстопорождения, опирающегося на игровые возможности языка вплоть до использования мультязыкового анаграмматического кода и переосмысления языковых категорий.

N. Kononov's short story "Anastasia's amnesia" is used to study the mythopoetic code forming the basis of the writer's works. The article considers the semantics of human life as vegetation in its connection to the "life-death", "young-old", and "top-bottom" oppositions. The author's approach consists in reconstructing the writer's method of meaning and text generation based on the game potential of language up to using a multilingual anagrammatic code and reconsideration of language category.

Ключевые слова: Николай Кононов, «Амнезия Анастасии», мифопоэтика, вегетативный код, языковая игра, анаграмма, мультязыковой анаграмматический код, оппозиция «старый – молодой», оппозиция «верх – низ».

Key words: Nikolai Kononov, "Amnesia of Anastasia", mythopoetics, vegetative code, language game, anagram, multilingual anagrammatic code, "old-young" opposition, "top-bottom" opposition.

Memoria vegetandae gratia – для укрепления памяти.

Латинско-русский словарь

В основе всех произведений современного писателя Николая Кононова лежит единый содержательный код, и разные произведения представляют различные способы его развертывания. Сам механизм перекодировки является языковым и основывается на игровых возможностях языка вплоть до использования мультязыкового анаграмматического кода и обыгрывания языковых категорий [3]. В настоящей статье мы обратимся к мифопоэтической семантике рассказа Н. Кононова «Амнезия Анастасии» (1999), рассмотрим вегетативный код и его связь с

оппозициями «жизнь-смерть», «старый-молодой», «верх-низ», вскрыем языковые механизмы, порождающие и одновременно фиксирующие их смысловое единство, обозначим способы авторского присутствия в рассказе.

Для мифа характерно целостное восприятие мира, где жизнь и смерть перетекают друг в друга, образуя цепь бесконечных повторений. При этом полярности оппозиции «жизнь-смерть» не существует: жизнь чревата смертью, а смерть — новым рождением: члены оппозиции легко меняются местами. Центральная оппозиция «жизнь-смерть» может быть представлена набором более частных, организованных подобным же образом [9]. На материале ряда произведений Н. Кононова нами уже рассматривались оппозиции «жизнь-смерть», «война-мир», «говорение-молчание», «единичность-множественность», «мужское-женское» [3; 4; 5]. В настоящей статье мы продвинемся далее по намеченному пути.

В рассказе «Амнезия Анастасии» описывается история любовных отношений между безымянным повествователем и Анастасией, когда они были студентами. Интимные встречи героев происходят в квартире Анастасии. При этом много места уделено бабушке-старушке, которая на первый взгляд кажется проходным персонажем. Но самом же деле она играет важнейшую роль в формировании содержательного кода произведения.

Бабушка в любое время суток сидит в кресле со старой кошкой Мусей на коленях. Это представляется загадочным для повествователя. Она описывается в растительных терминах: «...корнеплод, даже не репа, а гигантский селекционный турнепс» [6, с. 385]¹, «бабушка сидела плотным корнеплодом в своем кресле» [6, с. 384]. Загадка ее сидения коренится в скрытых возможностях языка: она ведет *растительную жизнь*. Она *прикована к креслу* — и в прямом и в переносном смысле. В последнем случае предполагается тяжелая болезнь, паралич. О людях в таком состоянии, имеющих потерю памяти (ср. вынесенное в название слово *амнезия*), говорят *растение, овощ*. Эти скрытые языковые маркеры образуют основу вегетативного кода, совмещающего семантику жизни и смерти. Бабушка сидит, потому что она *посажена* (в том числе как *растение*).

Номинация *корнеплод* игровым образом участвует в формировании оппозиции «верх-низ», ибо в строгом смысле *корень* и *плод* относятся к разным пространственным полюсам. В лексеме *корнеплод* *корень* и *плод* соединяются в одно целое и относятся к нижнему полюсу. Однако на уровне языковой рефлексии получаем, что в слове *корнеплод* два *корня* — один *корень* *корень*, а другой *корень* — *плод*. Так единый *корнеплод* раздваивается на два *корня*. Одновременный учет реалий мира и их словесных обозначений позволяет утверждать, что все поименованное имеет *корень*, то есть представляет собой растение. Мир предстает как всеобщее растительное царство.

¹ Здесь и далее курсив в цитатах наш. — М.Д.

Рассмотрим связь бабушки как корнеплода с жизнью и смертью. Она представляется «*укоренившимся* в своей жизни *корнеплодом*... который не вырвать» [6, с. 385]. Она укоренена в *жизни*. То, что бабушку (как корнеплод) *не вырвать*, означает, что ее жизнь — в смерти: в земле, где она является заживо погребенной. Ее существование можно описать библейской формулой о смерти человека как возвращении в землю, откуда он и произошел: «...в поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят, ибо прах ты и в прах возвратишься» (Быт. 3: 19). Бабушка являет собой андрогинное единство первых людей — Адама и Евы — и через этимологию их имен одновременно соединяет признаки жизни и смерти. Имя *Адам* с др.-евр. *adam* — букв. «красный» — связано с *adamah* — «земля», *Ева* — «дающая жизнь». Корнеплод тоже андрогинен: *корень* в нем фалличен, а *плод* предполагает материнство.

В рассказе «Амнезия Анастасии» концепты *жизнь* и *смерть* на разных уровнях связаны с (не)способностью к размножению и смертью младого и даже не родившегося эмбриона-*плода*. Описываются выставленные на медицинском факультете препарированные останки: «Младенчик, распоротый по осевой, напрасный *приплод*, — последний в череде разновеликих *зародышей*, *детенышей* и *выкидышей*» [6, с. 383]. Говорится о бесплодии Анастасии [6, с. 402]. На этом фоне кажется, что только от «корнеплодной» бабушки можно чего-то ожидать, как от смерти, беременной жизнью. Однако все не так однозначно: у Н. Кононова в соответствии с мифом действительность показывается в единстве противоположных признаков. Кроме того, у писателя речь идет не только о рождении качественно нового, но и о постоянном воспроизведении исходного. Рождающее и должное родиться тождественны. В связи с этим значимым является имя *Анастасия* — с др.-греч. «воскресшая». В сфере его влияния оказывается все: речь идет о смерти и последующем воскресении всего живого. *Корнеплод*, которому уподобляется бабушка, — это *корень*, а не *плод* в точном понимании, а следовательно, старушка неспособна к размножению. *Плодом* у растений называется репродуктивный орган, который содержит семена и может иметь вкусную съедобную оболочку. *Плод* — это также человеческий эмбрион в период внутриутробного развития. Более того, *плод* — это произведение, результат. Старушка — *плод* фантазии писателя, а рассказ — *плод* его усилий. Сходная многозначность у лат. *fructus*, от которого в западноевропейских языках развились слова со значением «фрукт». Корень *плод*- содержится в словах со значением размножения — *плодиться*, *плодоносить*. Они игровым образом сочетают *корень-плод*, поэтому являются *корнеплодами*, а значит, бабушка оказывается *плодной*. О каждом из героев рассказа можно сказать: *Ну и фрукт*, — тем самым сделав его *плодом* в двух смыслах: плодом растения, чреватый новым рождением, или же эмбрионом — в этом случае преднатальное состояние героев предшествует их рождению самих себя. Они все *незрелые* люди — поэтому процесс *созревания*, в том числе и полового, продолжается. Следовательно, пока они не способны к размножению.

О старушке-бабушке и ее кошке говорится: «Они обе были на пути к полной мумификации и медленно проходили фазу одеревенения и окаменения» [6, с. 384]. Содержащиеся здесь образы одновременно отсылают к смерти и жизни. Мумификация мертвого тела в Египте предполагала обертывание в пелены — но так же пеленают и младенцев. Научное определение гласит, что «мумификация — это превращение мягких частей организмов в ископаемое состояние» [2]. Ископаемое состояние непосредственно характеризует бабушку, которая, будучи корнеплодом, должна быть *выкопана*. Переносное значение слова *ископаемое* характеризует старушку как явление давно прошедших времен. Основное же значение относится к добываемым из земли минералам, которые могут быть как неорганического, так и органического происхождения (*полезные ископаемые*). Если присовокупить сюда значение «живший в доисторические времена или в предшествующие геологические эпохи и находимый в глубоких слоях земли (геол. и палеонт.). Ископаемые растения. Ископаемые животные. Ископаемый человек» [7], то это дает возможность соединить семантику мумии, дерева и камня в целое на более глубоком уровне. Поскольку старуха порождает (корне)плод — саму себя, она является *самородком*, а ее место в кресле — *месторождение полезных ископаемых*. Одеревенение и окаменение нужно рассматривать не как метафору, а как метаморфозу, превращение. Перейдем к «растительной» семантике.

Связь старухи с растениями коренится в анаграмматичности прилагательного *стар* и корня *раст-* (*расти, растение*). Их семантика поллярна (до XVIII в. слово *возраст* могло употребляться по отношению только к достаточно молодым людям, которые еще могли *возрастать* [1, с. 37–38]). *Корнеплод* и *дерево* еще раз формируют оппозицию «верх-низ» на основе оппозиции «подземный-наземный». Старушка явно тянется к звездам (англ. *star*): «Иногда мне казалось, что... тело старухи, забыв о своих *корнях*, мистически пролевитирует...» [6, с. 386]. Связь между концептами «старый» и «высокий» обеспечивают два мультязыковых перехода: англ. *old* «старый» (при оглушении *d*) анаграмматично англ. *tall* «высокий», а нем. *alt* «старый» паронимично лат. *altus, -a, -um*, ит. *alto* «высокий» от лат. *alo* «кормить, вскармливать, питать», «выращивать, воспитывать», «вращивать». Осмысление роста, вращивания как кормления лежит в основе того, что рацион бабушки становится совершенно детским: творожок и кашка. Это помогает *пасть* и *в-пасть* в *детство*. Одновременно активизируется семантика *алого* (*alo*) цвета.

Синонимом к слову *старый* является *древний*, этимологически родственное словам *дерево* и *здоровый* [8, с. 536]. Это говорит о двунаправленном осмыслении дерева как символа жизни и смерти. У Н. Кононова дряхлое, древнее становится здоровым, старое — растущим: «Бабушка и Муся *здоровели*, попирая все законы естественного *старения* организмов...» [6, с. 388].

Отмеченность в рассказе *корнеплода* позволяет через межязыковые переходы генерировать полный состав и дерева, и человека. *Корень* — анаграмма рус. *крона*, а также фр. *crâne*, ит. *cranio*, исп. *cráneo* «череп» от лат. *cranium* и лат. *caro* (родительный падеж *carnis*) «мясо», «плоть, тело». Паронимически связаны слова *плоть* и *плод*, а также *тело* и лат. *tellus*

«земля». Одновременно осуществляется переход к старости, смерти и разложению за счет слов, восходящих к лат. *caro*: англ. *crone* «старуха, старая карга» — персонаж фольклора и волшебных сказок, англ., фр. *carriage* «резня, кровавая бойня», англ. *carcass* «туша (животного)», «развалины», англ. *carrion* «падаль, мертвечина», «гнилой, гниющий, разлагающийся». Эти переходы вкупе с указанными выше работают на выстраивание оппозиций «старый-молодой», «верх-низ», «движение-неподвижность», «сидеть-стоять», «жизнь-смерть», а также их инвертирование. Корни *стар-/ раст-* срastaются с лат. глаголом *stare*, который в основном значении («стоять») имеет в рассказе отношение к движению — к потенциальному переходу старушки от сидячего положения в стоячее, что переосмысливается и в эротическом коде. Однако нем. *starr* «застывший, неподвижный», кажется, способно сохранить положение вещей неизменным. Верх и низ легко могут меняться местами. Это заложено в противоположности лат. *altus* «высокий» и тур. *alt* «низкий». Сравнение старушки с *репой* отсылает не только к сказке «Репка», где корнеплод *крепко* сидит в земле, но и к значению слова *репа* — «голова». Про Селика говорится: «Не счесть алмазов в каменной пещере Селикова черепа» [6, с. 388]. Это парафраз начала арии индийского гостя из оперы «Садко» (ср. *сад, садок, садить*). *Пещера* («полость в земной коре») маркирует «низ», *черепа* — «верх». Одновременно *пещеры* — «полости в теле». Ст.-слав. слову *пещера* соответствует рус. *печора* — анаграмма слова *черепа*. Алмазы и каменная пещера активируют минералогический код и семантику родов в *месторождении*: Селик описывается как *самородок*. Все взрослые, большие и даже умершие персонажи и особи игровым образом связываются с «маленьким» и «молодым», способным к зачатию, родам и прорастанию. При этом употребляются слова с корнем *мал-/ мол-* (*молodeц, малой, мальчик*) вкупе с другими номинациями, маркирующими «жизнь». Так, Анастасия называет бабушку «молodeц» [6, с. 385]. Повествователь рефлексировал и о себе: «А я про себя командовал своему лохматому псу: “Малой, секс!” Так прозывались в моих краях цепные *крупные* кобели» [6, с. 386]. *Крупное* (омонимичный корень *круп-* одновременно отсылает к телу, детской болезни и крупе) — одновременно и *малое*, но связанное с производительным актом. Писатель играет на неоднозначности выражения *про себя*: «молча» и «о себе». Он говорит и о себе: он сам *крупный* и одновременно *малой* и понуждающий себя к сексу. Его детские воспоминания связаны с «*покойной бабушкой*», оттаскивающей его от вызывающих интерес упакованных презервативов: ребенок хочет получить урок полового воспитания у восставшей покойницы. Аптекарьша, заменяя «бабулю», на вопрос, «от чего это лекарство», отвечает: «...от таких *зародышей*, как ты». При этом два раза употребляется номинация «бедный мальчик», а заканчивается пассаж словами: «О! Бедный я, бедный. Мальчик я, мальчик» [6, с. 392]. Связь малого и старого с производительным актом коренится в омонимии лат. *minor* «меньший», «младший» и глагола *minor* «торчать кверху, выдаваться, возвышаться». Семантика лат. глаголов *minor* и *stare* пересекается. Англ. *stare*, нем. *starren* «пристально смотреть» делают содержательным призыв «Зри в корень», особенно если учесть другие значения нем. *starren* — «быть неподвижным (от холода), очоленеть», «торчать

кверху, устремляться ввысь». Употребление инфинитива *зреть* в силу его омонимичности одновременно актуализирует смыслы «смотреть» и «становиться спелым», «становиться взрослым». Взирание *в корень* тождественно его эрекции вместе с его созреванием как *плода*. Суммарный *корнеплод* представляет собой андрогинное единство в состоянии *зрелости*, то есть готовности к воспроизводству.

В корень — анаграмма формы *кровный*. Не только зачатие и роды связаны с кровью, но и смерть — через название краски *капут мортuum* (лат. «мертвая голова»), *крававик*, *мумия*. Еще одно название этого пигмента — *колькотар*. Оно отсылает к Кольке Татаренкову (настоящая фамилия писателя Кононова). «В моем начале — мой конец. В моем конце — мое начало».

(Продолжение следует)

Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант №14-04-00124 «Анаграмматические коды: когнитивные основания и текстопорождающие возможности».

Список литературы

1. *Виноградов В. В.* Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования // Виноградов В. В. История слов. М., 1994. С. 5–38.
2. *Геологический толковый словарь*. URL: <http://enc-dic.com/geology/Mumifikacija-9091/> (дата обращения: 25.04.2014).
3. *Дмитровская М.* Коли муза Клио: история души человеческой и история народов в романе Николая Кононова «Фланёр» // Новое литературное обозрение. 2014. № 4. С. 266–284.
4. *Дмитровская М. А., Дементьев И. О.* Гробовщик Адриан (подтексты и претексты романа Николая Кононова «Фланёр») // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. Вып. 8. С. 58–63.
5. *Дмитровская М., Скрыбина А.* Андрогинность «гения чистой красоты»: об одном концепте у Николая Кононова // *Literatura. Rusistica Vlnensis. VU Mokslo darbai*. 2013. № 55 (2). С. 75–90.
6. *Кононов Н.* Саратов. М., 2012.
7. *Толковый словарь Ушакова*. URL: <http://www.slovoopedia.com/3/200/791313.html> (дата обращения: 25.04.2014).
8. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М., 1986. Т. 1.
9. *Фрейдентберг О. М.* Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.

Об авторе

Мария Алексеевна Дмитровская — д-р филол. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru

About the auhtor

Prof. Maria Dmitrovskaya, I. Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: dmitrovskayama@yandex.ru